

Кира Муратова закончила съемки нового фильма «Еще две истории: одна простая, другая сложнее» с Богданом Ступкой, Ренатой Литвиновой и Александром Башировым

Из Санкт-Петербурга в Москву, в Кремль в Измайлово переехал Музей русской водки

17 мая в Музее современного искусства в Ермолаевском переулке откроется ретроспектива Айдан Салаховой

ЖИВАЯ КУЛЬТУРА

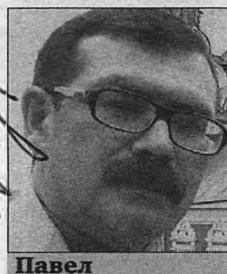
19 (551) 15 – 21 мая 2006 года **Русский курьер**

21

Борис Акунин врубился в жизнь

В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ

В московском элитном клубе «Граф Орлов» состоялась презентация нового романа Бориса Акунина «Ф. М.» (издательство «ОЛМА-пресс»). Это своеобразный ремейк романа Достоевского «Преступление и наказание», наиболее известного широкому читателю по простой причине: роман этот почему-то был обязательным в школьной программе в советское время.

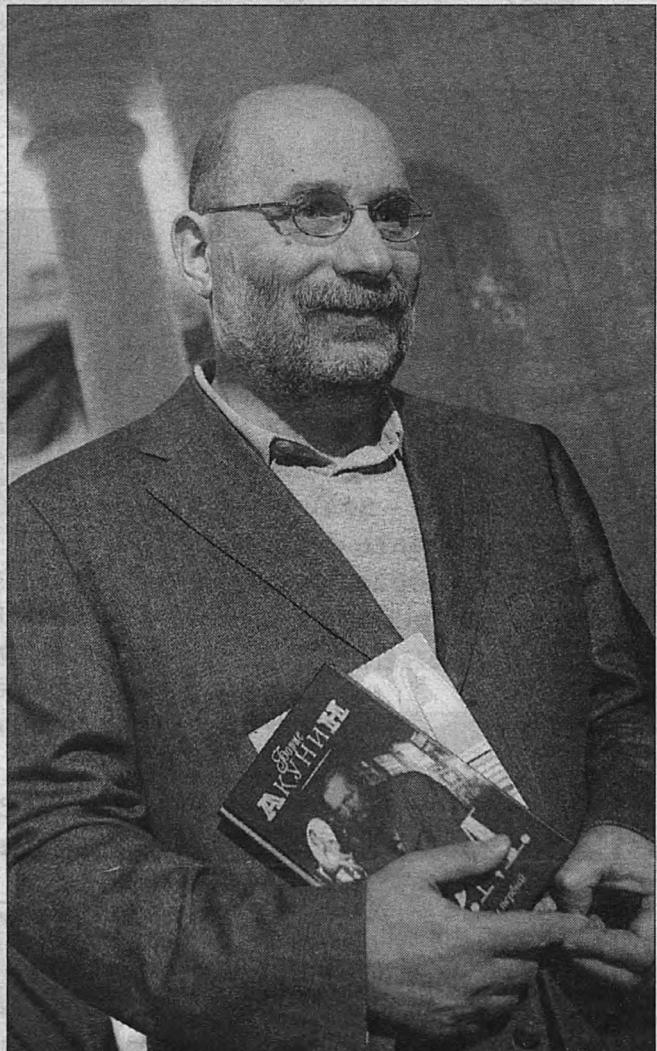

Павел Басинский
Журналист
На презентации нового романа Бориса Акунина собравшимся предложили опровергнуть топор Раскольникова

Почему? – вопрос интересный. Почему не «Подросток», казалось бы, более близкий по теме для подростков? Но на самом деле, о кидая в глаза творчество Достоевского, понимаешь, что советская школа поступала правильно. «Преступление и наказание», во-первых, самая фабульная вещь Достоевского, то есть произведение с четким и понятным сюжетом. Во-вторых, она достаточно легко инятно интерпретируется идеологически. Совершил преступление – получай наказание. Не накажут со стороны, будешь казнить себя сам, если совесть в тебе жива. И так далее. Просто и для учителей, и для учеников, хотя, разумеется, и не исчерпывает всей реальной глубины романа.

Вопрос, почему Борис Акунин взялся «переписывать» именно «Преступление и наказание», тоже не менее интересный. Во время презентации автор признался в особливой любви к Достоевскому (еще к Чехову, но «это по другим причинам»), который его необыкновенно « заводит ». Свой главной задачей Борис Акунин считает игровое столкновение современной массовой литературы и классики с тем, чтобы выяснить: какая из литератур сегодня круче и жизнеспособнее.

Это очень любопытное признание, как и то, что Бо-

«Я люблю, когда фикция становится фактом».

ФОТО ИТАР-ТАСС

рис Акунин, оказывается (цитирую его по памяти), любит такую «литературу, которая вторгается в жизнь». По-моему, большинство собравшихся в клубе журналистов пропустили это высказывание современного масс-классика мимо ушей. На самом деле это было едва ли не самое важное, что он сказал на презентации. Все остальное было миная бутафория.

Например, демонстрировали топор (с кровью и прилипшими к ней волосами), которым Раскольников теоретически убивал старушку-процентщицу. Кто-то из журналистов засомневался:

«Топор Раскольникова был удобнее». «А вы сами попробуйте», – пошутил Борис Акунин, лукаво указывая взглядом на бутафорский топор. И так далее. Мило спел Борис Гребенщиков, не объявленный в программе и явившийся, видимо, «поддержать друга». Одна из песен начиналась соответственно: «Когда Достоевский

Классик массовой литературы переписал Достоевского

спасала русский народ, участвовала в революции (или наоборот – в реакции), строила коммунизм и боролась с ним же. И вот пришел Борис Акунин и заявил: хватит! Читатель должен получать от писателя качественное «чтиво», вот вся его «задача».

Опять-таки повторяю: можно с этим соглашаться или нет, но Акунин предложил свои правила игры, и они были приняты.

И вот, оказывается, литература все-таки должна «вторгаться в жизнь». Вспоминая бутафорский топор, переименуем фразу: «врубаться в жизнь».

Кстати, формула-то эта Ницшеанская. Это Ницше писал, что искусство есть жизнь, которая сама врезается в жизнь. Эта формула была охотно поддержана Максимом Горьким и всей советской литературой, хотя Ницше при этом уже, разумеется, не упоминался.

Неужели с Акуниным произошел нравственный переворот?

Я полагаю, что здесь случился банальный переход количества в качество. По мере тиражирования романов Акунина, при неизменно высокой его популярности Борис Акунин неизбежно стал частью нашей жизни. Из частного проекта он, может быть, не по воле автора стал проектом, как бы то ни было, национальным. На презентации Борис Акунин сказал загадочную фразу: «Я люблю, когда фикция становится фактом». Акунский проект – это фикция, которая стала серьезным социальным и культурным фактом. И опять: можно этот факт любить или не любить, но его нельзя не признать. Писатель, «окормляющий» своими романами миллионы читателей, это уже не игра или, по крайней мере, игра всерьез. И Борис Акунин, по-моему, стоял это понимать.

Фикция по имени Эраст Фандорин стала серьезной частью массового сознания. Как Буревестник Горького в начале века. Как Иван Денисович Солженицын в 60-е годы. Или вы мне назовете другого современного литературного героя, реально владеющего умами читательских масс?

Сомневаюсь. Думаю, что Борис Акунин создал проблему прежде всего для самого себя. Наступило время, когда за «фикацию» надо отвечать. И здесь одними милыми «приколами» вроде бутафорского топора Раскольникова не отделаешься.

ФЕСТИВАЛИ

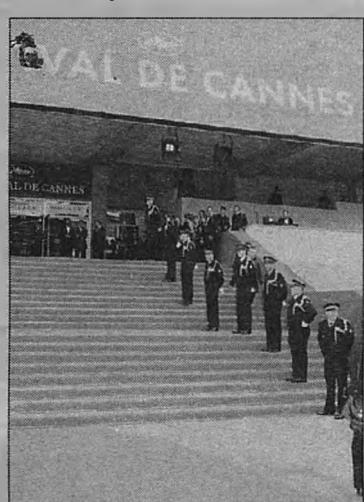
Русские идут

17 мая откроется Каннский фестиваль, 19 мая пройдет Русский день в Канне

Лидер фестивального движения, главный мировой кинофестиваль и признанный открыватель «новых путей в кино», Канский кинофестиваль был и остается важнейшим законодателем «киномоды» на год. Остальные фестивали лишь следуют намеченному им путем.

С прошлого

года фестиваль учредил новую программу – «Все кинематографии мира», цель которой познакомить западного зрителя с неизвестными образчиками национальных киношкол. На каждую страну-участницу выделен один день, в течение которого каннская публика может ознакомиться с лучшими фильмами той или иной страны. В этом году одним из участников, наряду с Сенегалом и Израилем, станет Россия. Со временем «Русского ковчега» ни один отечественный фильм не удостаивался чести попасть в основной конкурс Канна, но само участие во внеконкурсной программе – уже удача. Поэтому к Русскому дню в Канне российские организаторы («Интерфест», Гильдия кинопродюсеров России и Федеральное агентство по культуре и кинематографии) подошли со всей серьезностью.

Та самая каннская лестница

В программе Русского дня каннская публика сможет увидеть три полнометражные картины (самый успешный фильм прошлого года «9 рот» Федора Бондарчука, фестивальный хит «Космос как предчувствие» Алексея Учителя, экспериментальный арт-хаус «Пыль» Сергея Лобана) и семь короткометражек. При выборе последних представители фестиваля проявили завидное постоянство, отдавая по два фильма одних и тех же режиссеров. В фавор к французам попали уже известный фестивальному зрителю российско-швейцарский tandem Павла Костомарова и Антуана Каттена («Трансформатор» и «Мирная жизнь») и дебютантка, 22-летняя москвичка, ученица Марины Разбежкиной и главное открытие недавно прошедшего фестиваля реального кино «Кинотеатр DOC» Валерия Гай Германника («Девочки» и «Сестры»). Оставшиеся три коротких метра – это «Охота на зайцев» Игоря Волошина, вгиковский киноопус о непростых солдатских буднях «Подсобное хозяйство» Егора Анашкина и созданный в необычной кино-живописной манере «Демон» известной питерской кинематографистки Ирины Евтесевой.

Большинство из понравившихся канским отборщикам фильмов, начиная от «Пыли» – призера прошлогоднего «Кинотеатр. DOC» и заканчивая фильмами Валерии Гай Германники, попали в сферу внимания профессионалов благодаря своему участию в фестивале реального кино. Там отборщики МКФ в прошлом году заметили «Пыль» и пригласили ее в параллельный конкурс, там же «засветились» Волошин и Костомаров с Каттеном, а в этом году юная дебютантка с необычным именем и большими амбициями Гай Германника.

Если оставить в стороне созданные на злобу дня, обласканные фестивалями и прессой агитки Майкла Мура («Боулинг для Колумбии» и «Фаренгейт 9/11»), можно утверждать, что лучшие фильмы последних лет стерли четкую грань между традиционным игровым и документальным кино.

Непрофессиональные актеры, цифровая техника, отказ от павильонов, относительное пренебрежение к визуальному ряду, а главное, герои и их истории – все это в значительно большей мере связано с документальным кино, чем с художественным. Бывшее долгое время на обочине мирового кинопроцесса документальное кино умудрилось сохранить первоначальную кинематографа. Этим можно объяснить его неожиданную популярность.

Выбор Канна – лишнее подтверждение этой тенденции.

Станислава Беретова

Фикция по имени Эраст Фандорин стала серьезной частью массового сознания. Как Буревестник Горького в начале века